

УДК 947.084.8

А.Н. Кашеваров

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета; доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Академии гуманитарных наук, заслуженный профессор СПбГПУ.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e mail: kashavar12@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность высшего управления Русской православной церкви – митрополита Сергия и членов Временного при нем Патриаршего Синода по поддержанию на канонических основах порядка и дисциплины в церковных структурах, чтобы не дать им окончательно распасться и не допустить деградации церковной жизни в условиях нового антирелигиозного наступления атеистического государства.

Ключевые слова

ВЫСШЕЕ ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ; ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ; ЕПИСКОПАТ; ЕПАРХИИ; ЦЕРКОВНЫЕ ОКРУГА; ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Период конца 1920-х – первой половины 1930-х годов в новейшей истории высшего церковного управления (ВЦУ) является одним из наименее изученных. Во многом это связано с весьма ограниченным кругом сохранившихся источников, непосредственно относящихся к деятельности Московской патриархии того периода, а также с трудностями их выявления. Цель данной статьи – восполнить пробел в историографии указанной темы.

Митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский), вступивший 14 декабря 1925 года в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в ряду первоочередных задач по налаживанию церковной жизни ставил издание официального периодического органа патриархии, в котором высшая церковная власть получила бы возможность публиковать свои постановления и распоряжения. Однако практическое решение этого вопроса зависело от позиции государственной власти.

Поэтому, обращаясь 1 июня 1926 года к народному комиссару внутренних дел с просьбой о легализации ВЦУ, митрополит Сергий просил также разрешить ему «издание периодического „Вестника Московской Патриархии” для осведомления приходских общин о ходе церковной жизни и распоряжениях церковной власти и для помещения статей по церковно-вероучительным вопросам» [1, с. 470]. Тогда это ходатайство Заместителя Патриаршего Местоблюстителя осталось неудовлетворенным.

Следующий раз просьбу разрешить издание официального органа патриархии митрополит Сергий высказал в своей памятной записке о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР, с которой он обратился к председателю постоянной комиссии ВЦИК по вопросам культов П.Г. Смидовичу 19 февраля 1930 года. Это обращение было сделано на следующий же день после инспирированного властью интервью Заместителя Местоблюстителя иностран-

ным журналистам, в котором он вынужден был отрицать факт гонений на церковь в СССР [5, с. 443–444].

В своем меморандуме П.Г. Смидовичу митрополит Сергей подчеркивал, что «давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. центральной церковной власти, имеющих общецерковный интерес» [1, с. 621]. Нетрудно заметить, что здесь в сравнении с ходатайством 1926 года содержание намечаемого официального органа патриархии не предусматривало информацию о жизни приходских общин и даже помещение статей по церковно-вероучительным вопросам. Оно было сведено до необходимого минимума, т. е. речь шла лишь о публикации распоряжений высшей церковной власти. Очевидно, в этом случае митрополит Сергей учитывал горький опыт, полученный в ходе прежних своих обращений с ходатайствами к государственным органам.

Из двадцати одного пункта памятной записки П.Г. Смидовичу атеистическая власть удовлетворила лишь несколько просьб в период очень короткой, длившейся с весны 1930-го и до середины 1931 года, и весьма относительной приостановки открытого наступления на церковь. Эта приостановка, носившая в большей степени тактический характер, наступила под влиянием неудач в колхозном движении (в связи с этим достаточно упомянуть статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», осуждавшие перегибы в отношении религии) и зарубежных выступлений в защиту верующих в СССР и гонимой Русской церкви [7, с. 89–90].

Одним из главных достижений митрополита Сергея в это время явилось разрешение властей на издание «Журнала Московской Патриархии», который выходил с 1931 по 1935 год. Объем журнала, его тираж и характер публикуемых материалов определялись Главлитом, который в этом вопросе исходил из своего циркуляра от 24 августа 1928 года, посвященного контролю за выпуском религиозной литературы. Согласно этому документу, церковная периодика могла «как правило» выходить только «в цент-

ре» и издаваться минимальным тиражом. Никакого роста ее тиражей, как и тиражей вообще всей религиозной литературы, предлагалось не допускать. Строго регламентировалось ее содержание: оно сводилось к «каноническому и догматическому материалу и сугубо церковной хронике». Особо в циркуляре оговаривался запрет на публикацию «заметок о новообращенных, росте того или иного течения» [2, с. 82].

Очевидно, что циркуляр Главлита не мог не повлиять и на ряд особенностей издания «Журнала Московской Патриархии». Он был невелик по объему – от 8 до 14 страниц вместе с календарными материалами и издавался малым тиражом – всего 3 тысячи экземпляров. Журнальные выпуски имели сплошную нумерацию от 1 до 23–24, из них 8 номеров, т. е. треть, были сдвоенными. Во всех выпусках журнала за 1931 год указывалось, что это – «ежемесячное издание». Однако в том году вышло не 12 предполагавшихся, а лишь 6 номеров. Поэтому в выпусках 1932–1935 годов указание на «ежемесячное издание» уже отсутствует. Реально журнал выходил один раз в 2–4 месяца.

Большая часть материалов, публиковавшихся в 1930-е годы в «Журнале Московской Патриархии», связаны с деятельностью Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода. Уникальность свидетельств о высшем церковном руководстве, содержащихся в этих материалах, во многом определяется и тем, что архив Московской патриархии тех лет до нашего времени не сохранился в отличие, например, от комплекса документов органов высшей церковной власти – Поместного собора 1917–1918 годов и избранных им Священного синода и Высшего церковного совета, функционировавших вплоть до 1922 года [4, с. 19].

Характеризуя опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» материалы ВЦУ 1930-х годов, прежде всего важно отметить ряд посланий, писем и резолюций митрополита Сергея по различным вопросам церковной жизни. Среди них особое место занимает его статья-разъяснение «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», опубликованная в № 1 журнала и важная в свете тех дискуссий об объеме канонических прав фактического Первоиерарха Русской церкви, которые развернулись в 1930-х годах между За-

местителем и «непоминающими» [3, с. 18–22]. Ряд посланий и писем были связаны с расколами и отделениями, происходившими в 1930-х годах в русской церковной диаспоре [Там же. С. 24–30, 37–39, 73–75, 85–88, 180, 181].

Из 200 публикаций в «Журнале Московской Патриархии» 1931–1935 годов 139, т. е. две трети почти каждого номера, составляют постановления ВЦУ, которое в то время существовало в виде Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода. Несмотря на то что журнал начал выходить в 1931 году, в нем напечатан ряд постановлений ВЦУ, относящихся к более раннему времени. Так, в № 1–4 были опубликованы постановления 1930 года и несколько постановлений 1928 и 1929 годов. В последующих номерах журнала информация о решениях высшей церковной власти, принятых в конце 1920-х годов, содержится в виде ссылок на эти постановления и выдержек из них, которые нередко вставлялись в мотивировочную часть принимаемых постановлений. Полный текст более ранних в сравнении с 1930-ми годами постановлений обычно приводился в справках о предыстории обсуждавшегося вопроса, которыми иногда предварялось то или иное решение высшей церковной власти.

Анализ документов ВЦУ, опубликованных в журнале, убедительно показывает, что работой Временного Патриаршего Синода руководил митрополит Сергей. Он вносил на рассмотрение Высшего церковного управления важные вопросы церковной жизни. Отчет о таких заседаниях начинался с примечательной формулировки: «Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный при нем Патриарший Священный Синод слушали: предложение Заместителя следующего содержания...».

Несомненно, что кроме текстов, подписанных именем митрополита Сергея, и предложений, внесенных им на рассмотрение Священного синода, Заместителю принадлежит и большая часть постановлений ВЦУ, так как именно в них суммировались и кристаллизовались его предложения.

Опубликованные в журнале материалы позволяют выделить и изучить основные направления деятельности и механизмы функционирования высшей церковной власти в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Так,

журнал содержит важную информацию об организации работы Временного Синода, в первую очередь о порядке и времени занятий в каждую из его сессий и составе последних. В написанном редактором журнала Сергием (Воскресенским) кратком обзоре пятилетней деятельности Синода с 1927 по 1932 год отмечалось: «Для приближения существующего Временного Патриаршего Синода при святейшем Патриархе Тихоне по Собору 1917 года весь управляющий епископат Русской Церкви разделен на пять групп и на каждую сессию (летнюю и зимнюю) вызываются пять Преосвященных архипастырей по одному из каждой группы. Таким образом, теперь в управлении Церковью участвует весь епископат православный, поочередно меняясь у кормила церковного» [Там же. С. 122].

Полные собрания Синода созывались три раза в каждую сессию на время не более одной недели. Для решения текущих или «не терпящих отлагательства» дел, а также для подготовки дел к полным собраниям Синода в период между полными собраниями при Заместителе Местоблюстителя действовало малое собрание Синода. В его состав, кроме архиепископа, управлявшего Московской епархией, входили один из постоянных членов Синода и двое из вызываемых к присутствию в Синоде на одну сессию. Очередь участия в малых собраниях Синода на тот или другой период устанавливалась между архиереями по их взаимному соглашению [Там же. С. 14].

Из 139 постановлений высшей церковной власти, напечатанных в журнале, 39, т. е. почти треть, посвящены организационным вопросам: порядку работы Синода, изменениям границ и названий епархий в соответствии с гражданским делением территории страны, назначениям и увольнениям архиереев, награждениям и т. п. Среди такого рода вопросов важное место занимали постановления, имевшие цель наладить правильное, без путаницы и проволочек, прохождение дел через все церковные инстанции. В качестве примеров можно назвать такие постановления Синода, как «О порядке сношения епархиального духовенства с Патриархией» от 29 октября 1935 года № 140; «О праве апелляции» от 21 октября 1931 года № 145 и весьма интересное, на наш взгляд, определение «Об архивах» от 28 октября 1932 года № 156 [Там же. С. 145, 147]. В последнем отмечается,

что «в большинстве случаев отсутствие должного отношения к хранению служебных бумаг... как Преосвященными, так и отцами благочинными... делает часто невозможным получить и дать необходимую справку по тому или иному вопросу» [3, с. 147].

В связи с этим было признано важным «разъяснить Преосвященным: 1) Необходимость хранения поступающих на их имя служебных бумаг и в первую очередь имеющих значение церковных документов, каковы циркуляры и указы Патриархии, ставленнические дела, отпускные грамоты клирикам, переходящим из других епархий, послужные списки и т. д. 2) Пользу ведения реестра резолюций Преосвященного с кратким резюме бумаг, на которые они положены и с отметкой об исполнении... Со своей стороны, Преосвященные имеют предложить вышеизложенное благочинным своих епархий» [Там же].

Особое место в деятельности ВЦУ занимали меры по поднятию авторитета существующей высшей церковной власти, налаживанию и укреплению ее связей с епархиями, помощь последним в упорядочении церковной жизни в приходах.

В 1930-е годы в патриархии уже не оставалось надежды ни на возвращение к высшей церковной власти Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), арестованного еще 10 декабря 1925 года, ни на созыв Поместного или Архиерейского собора. Таким образом, совершенно невозможно было создать иные органы ВЦУ, кроме тех, которые уже существовали в виде должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода.

Для поднятия авторитета церковной власти Временный Синод вынес ряд постановлений, начиная с определения 12 апреля 1932 года о награждении Заместителя Местоблюстителя правом совершать богослужения с предношением креста. В обоснование этого решения в постановлении говорилось, что митрополит Сергей «по своему значению и положению, а также по своей деятельности и ответственности превосходит прежних наших митрополитов, но не имеет никаких отличий при совершении богослужений. Предносимый крест присвоен всем Первоиерархам отдельных и автономных Церквей, не могущих

сравняться по своим размерам и по своему значению с Всероссийской Православной Церковью» [Там же. С. 124].

Отмеченной выше цели служил и изданный 18 мая 1932 года в ознаменование 5-й годовщины существования Временного Патриаршего Священного Синода указ ВЦУ о возведении «вошедших в его состав с самого начала... архиепископов Хутынского Алексия, Одесского Анатолия, Ярославского Павла и Харьковского Константина – в сан митрополита» [Там же. С. 123]. Наконец, на расширенном заседании Синода 27 апреля 1934 года было принято постановление о предоставлении Заместителю Местоблюстителя вдовствующей после кончины патриарха Тихона Московской кафедры взамен Нижегородской, в ту пору уже Горьковской, с присвоением ему титула «Блаженнейший» [Там же. С. 215]. Статья, посвященная этому торжественному акту и написанная редактором журнала Сергием (Воскресенским), была озаглавлена следующим образом: «14 (27) апреля 1934 года войдет особо знаменательным днем в историю Русской Церкви» [Там же. С. 211].

Высшая церковная власть стремилась провести в жизнь ряд постановлений Поместного собора 1917–1918 годов в той мере, насколько позволяли условия тех лет. Так, во исполнение соборного постановления от 20 (7) сентября 1918 года, предусматривавшего объединение всех епархий Русской церкви в округа, и в соответствии с гражданским делением территории страны на области определением ВЦУ от 27 декабря 1928 года были образованы церковные области (округа). Причем во исполнение соборного постановления от 21 (8) апреля 1918 года некоторые полусамостоятельные епископии получили право самостоятельных [Там же. С. 218].

С учреждением церковных областей или округов, естественно, возник вопрос о полномочиях архиерея главного города области. Поэтому Синод своим определением от 27 декабря 1928 года утвердил «Положение о полномочиях архиерея главного города области» [Там же. С. 221, 222]. Заместитель Местоблюстителя отмечал: «...Не желая искусственно создать лишнюю инстанцию, мы наметили полномочия названного архиерея только в самой зачаточной форме: возложили на областного архиерея обязанность принимать во временное свое управление каждую освободившуюся

в его области епархию впредь до назначения на нее постоянного епископа. Подразумевалось также, что, находясь в административном центре области, областной архиерей явится представителем всей церковной области перед областной гражданской властью и посредником в сношении с ней остальных архиереев и епархий области» [3, с. 218].

К вопросу о церковных округах ВЦУ вернулось через пять лет. 12 марта 1934 года, выступая на заседании Временного Синода, митрополит Сергей указывал, что «пятилетняя практика, оправдывая существование церковных областей, вместе с тем выясняет необходимость точнее определить и обязанность для областного архиерея общего попечения о всех епархиях своей области и способы и пути такого попечения» [Там же]. На том же заседании было принято «Положение о полномочиях областного архиерея», предложенное митрополитом Сергием «в переработанном виде». В этом документе, в частности, был сделан дальнейший шаг в исполнении соборного постановления 15 (2) апреля 1918 года о викарных епископах: существовавшие в епархиях полусамостоятельные епископии предусматривалось передать из епархий в общее ведение областного архиерея и, таким образом, превратить в самостоятельные епархии наряду с прочими [Там же. С. 221].

На заседании Синода 27 апреля 1934 года по предложению митрополита Сергия был также выработан механизм осуществления этого решения: епархиальные архиереи по получении определения патриархии от 12 марта 1934 года «должны незамедлительно представить свои соображения, в частности о том, какие из викариатств есть основания обратиться в епархии и какие оставить в прежнем положении. Получив соображения и доклады Преосвященных, областные архиереи представляют на всю область рапорты Патриархии со своим заключением и Патриархия выносит уже окончательное решение о той или иной епископии» [Там же. С. 222]. Это требовалось потому, что, как констатировал митрополит Сергей, «определение от 12 апреля 1934 года встречает на местах неправильное понимание. Некоторые из викарных Преосвященных самовольно объявили себя самостоятельными епархиальными архиереями и прекратили поминовение своих правящих архиереев» [Там же].

Следует отметить, что по поводу канонической дисциплины викарных епископов ВЦУ приходилось неоднократно принимать постановления как общего характера (например, «О правах викарных епископов» от 18 мая 1932 года № 79; «О порядке обращения викариев к высшей церковной власти» от 24 февраля 1932 года № 37 и др.), так и по конкретным запросам архиереев [Там же. С. 130–134]. Патриархия, отмечая встречавшиеся на практике отступления от постановлений Поместного собора 1917–1918 годов, видела причину этого в «общем расстройстве церковно-епархиальной жизни» [Там же. С. 132].

Действительно, постановления Временного Синода чаще всего касались конкретных дисциплинарных вопросов, связанных с нарушениями канонов и церковной дисциплины. В рапортах и докладах правящих архиереев высшей церковной власти, опубликованных в «Журнале Московской Патриархии», речь шла о вступлении некоторых священников во второй брак, уходе в раскол, принятии в клир священнослужителей-обновленцев без предварительного ознакомления с их моральным обликом, без требуемого покаяния и даже без уведомления епархиального архиерея. Например, даже среди части московского духовенства каноническое сознание настолько исказилось, что клир одной из церквей втайне от правящего архиерея принял в причт обновленческого протодиакона [Там же. С. 10]. При рассмотрении всех подобных случаев ВЦУ настаивало на соблюдении канонов и дисциплины, отменяя все местные решения, нарушавшие эти правила.

Общее расстройство церковной жизни сказалось и на состоянии православного епископата. На массовые аресты епископов церковь ответила массовыми епископскими хиротониями, многие из которых были совершены тайно (например, в 1926 году сонм архипастырей пополнился 21 епископом) [6, с. 150]. Это породило ряд проблем, вплоть до появления епископов-самозванцев. По каждому такому выявленному случаю Временный Синод принимал специальное постановление, обязательно публиковавшееся в «Журнале Московской Патриархии» и обычно заканчивавшееся следующим образом: «Сообщить Преосвященным, что среди православных епископов... не значится» [3, с. 89].

Главным же следствием указанных выше хиротоний стало понижение уровня богословско-канонической подготовленности новых архиереев, зачастую не прошедших академической школы. В первой половине 1930-х годов архиерейские хиротонии, согласно данным отдела «Хроника церковной жизни» «Журнала Московской Патриархии», совершались, правда, значительно реже, чем в предшествовавшее десятилетие. Так, в 1930 году – три, в 1931-м – восемь, в 1932-м – шесть, в 1933-м – две, в 1934-м – пять епископских хиротоний [3, с. 22, 35, 36, 83, 84, 99, 119, 142, 155, 156, 209, 210, 235]. Важно отметить, что лишь половина новопоставленных архипастырей окончили ту или иную духовную академию. Поэтому столь большое место в постановлениях ВЦУ отводилось мотивировке принимаемых решений, многие из которых начинались формулой: «Разъяснить Преосвященному.. что...». Нередко формула имела и более строгий характер: «Разъяснить Преосвященному.. что в данном случае виновным является сам Преосвященный...».

При этом лейтмотивом всех определений высшей церковной власти по дисциплинарно-каноническим вопросам была мысль, высказанная митрополитом Сергием в постановлении от 24 декабря 1930 года № 252, о том, что такие решения в церкви должны приниматься не формально, исходя из фиксированных и неизменных правил, а с рассуждением, сообразуясь с духом евангельского учения, в чем и состоит проявление подлинной церковности [Там же. С. 52].

По указанным выше причинам некоторые постановления Временного Патриаршего Синода превращались в настоящие богословские экскурсии. Таково, например, определение «О мироварении» от 29 марта 1931 года № 51: «Думать, что освящать Святое Миро можно только в Великий Четверг, так же неправильно, как думать, что причащаться Святых Тайн можно только в Великий Пост и притом по субботам. Между миропомазанием Господа Иисуса Христа женой-грешницей и мироварением... нет никакой идейной связи...» [Там же. С. 117, 118].

Общее падение церковной дисциплины в то время, так ярко отраженное на страницах журнала, позволяет лучше понять, почему митрополит Сергей шел на такие уступки атеистической власти ради восстановления центрального церковного управления.

Ряд вопросов, рассмотренных Синодом, в значительной степени связан с теми тяжелыми условиями, в которых оказались духовенство и верующие в результате нового открытого наступления богоборческой власти на церковь, начавшегося с конца 1920-х годов. Например, 28 мая 1930 года ВЦУ приняло постановление о «заочном» отпевании умерших с разъяснением, в каких случаях оно возможно [Там же. С. 50]. О причинах, по которым возникла в те годы такая потребность, нетрудно догадаться – отсутствие церкви поблизости ввиду закрытия большинства из них, смерть в лагере или тюрьме и т. п. Другой пример: 22 февраля 1929 года ВЦУ рассмотрело заявление нескольких епархиальных архиереев о том, что «за последнее время сельские и городские батюшки в гражданском порядке разводятся со своими женами, правда, в большинстве случаев все эти разводы фиктивные». В принятом постановлении указывалось на недопустимость в нравственном отношении этих разводов, а также и на их практическую нецелесообразность, так как «они обычно не достигают цели» [Там же. С. 41]. Здесь подразумевались отчаянные, хотя и безнадежные попытки семей клириков путем фиктивных разводов спасти от участи «лишенцев» хотя бы своих детей.

В разгар гонений на церковь среди священнослужителей оказалось немало тех, кто самовольно, без разрешения или даже без простого уведомления о том своего архиерея оставил должность клирика, причем некоторые такое оставление сопровождали также и публичным (например, с церковного амвона, через газеты или письменное заявление гражданской власти) отречением от веры. В постановлении «О падших клириках» ВЦУ отмечало, что многие из отречшихся потом раскаиваются и выражают желание вновь продолжать служение церкви [Там же. С. 15]. В связи с этим патриархия неоднократно рассматривала рапорты епархиальных архиереев с представленными в них прошениями раскаявшихся «о возобновлении в священном сане» [Там же. С. 230, 240]. Таким образом, сложение с себя сана или публичное отречение от веры «падших клириков» далеко не во всех случаях происходили сознательно и добровольно, без внешнего воздействия – в то время чаще всего в виде угроз и репрессий со стороны местных властей или суровых жизненных условий, в

первую очередь тяжелого материального положения семей священнослужителей.

Поскольку безжалостная атака на церковь сопровождалась налоговым удушением духовенства, патриархия публиковала на страницах своего журнала некоторые важные правительственные постановления, касавшиеся налогового обложения «служителей культа» [3, с. 47, 72, 99].

В 1935 году массовые аресты духовенства и активных мирян возобновились. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей оказался под угрозой ареста по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии. Ареста не последовало, но 18 мая 1935 года вышел указ о роспуске Временного Патриаршего Синода, у которого не было воз-

можности пополнить свой поредевший состав. Вслед за этим власти запретили «Журнал Московской Патриархии» [6, с. 211].

Анализ опубликованных в «Журнале Московской Патриархии» материалов показывает, что вопреки всем притеснениям церковная жизнь продолжалась и патриархия в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея и членов Временного при нем Патриаршего Священного Синода, оставаясь единственным легализованным органом церковного управления, делала все возможное в тех невероятно трудных условиях, чтобы поддерживать на канонических основах некоторый порядок и дисциплину в церкви и не дать ей распасться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Акты** святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. 1063 с.
2. **Жирков Г.В.** Духовная журналистика: история, традиции, опыт // Журналистика. Просвещение. Церковь. СПб., 2002. С. 74–102.
3. **Журнал** Московской Патриархии в 1931–1935 годах. М., 2001. 272 с.
4. **Кашеваров А.Н.** Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. 327 с.
5. **Курляндский И.А.** Сталин, власть, религия. М., 2011. 720 с.
6. **Цыпин В., прот.** История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. 831 с.
7. **Шкаровский М.В.** Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. 399 с.

A.N. Kashevarov

ABOUT THE ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH HIGHER GOVERNANCE IN THE END OF 1920th – THE FIRST HALF OF 1930th

KASHEVAROV Anatolii N. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e mail: kashevar12@mail.ru

Abstract

This article examines the activity of the Russian Orthodox Church's higher governance – Metropolitan Sergius and members of Provisional Patriarch's Synod under him to maintain order and discipline on the canonical basis to prevent the final collapse and degradation of church life during new atheistic state's anti-religious attack.

Keywords

HIGHER CHURCH GOVERNANCE; THE MOSCOW PATRIARCHATE JOURNAL; EPISCOPATE; EPARCHIES; CHURCH DISTRICTS; CHURCH DISCIPLINE.

REFERENCES

1. *Akty svyateyshego Tikhona, patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshiye dokumenty i perepiska o kanonicheskom preyemstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917–1943.* Moscow, 1994. 1063 p. (In Russ.)
2. Zhirkov G.V. Dukhovnaya zhurnalistika: istoriya, traditsii, opyt. *Zhurnalistika. Prosveshcheniye. Tserkov'.* St. Petersburg, 2002. Pp. 74–102. (In Russ.)
3. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii v 1931–1935 godakh.* Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.)
4. Kashevarov A.N. *Tserkov i vlast': Russkaya pravoslavnaya Tserkov v pervyye gody sovetskoj vlasti.* St. Petersburg, 1999. 327 p. (In Russ.)
5. Kurlyandskiy I.A. *Stalin, vlast', religiya.* Moscow, 2011. 720 p. (In Russ.)
6. Tsylin V., protoiyerey. *Istoriya Russkoj tserkvi. 1917–1997.* Moscow, 1997. 831 p. (In Russ.)
7. Shkarovskiy M.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov pri Staline i Khrushcheve.* Moscow, 1999. 399 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014